

0729
к-хтуч-1

РАЗБОРЪ
МѢСТНАГО И ДАТЕЛЬНОГО

ВЪ КЛАССИЧЕСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ

СРАВНИТЕЛЬНО СЪ САНСКРИТСКИМЪ

Sw
28. VI.
2296

Ричарда Шерцль.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.

1880.

1912
1170x

224

1005349

1005349
1005349
1005349
1005349
1005349

РАЗБОРЪ МѢСТНАГО И ДАТЕЛЬНОГО

ВЪ КЛАССИЧЕСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ

СРАВНИТЕЛЬНО СЪ САНСКРИТСКИМЪ

28 VI.
2296.

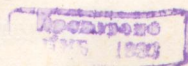
1934

Ричарда Шерцль.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.

1880.

РАБОТА

ИЗВЕЩАНИЕ

О РАБОТЕ

28 VI.
2599

Дозволено цензурой. Москва. 19 Марта, 1880 года.

РАБОТА

11/01
+ 25/11

РАБОТА

О РАБОТЕ

1880

8.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При составленіи настоящаго труда я поставилъ себѣ задачею, не вдаваясь въ слишкомъ большія подробности; изслѣдовать вкратцѣ дательный и мѣстный падежи, какъ съ формальной, такъ и съ синтаксической точки зрѣнія и опредѣлить взаимное другъ къ другу отношеніе этихъ двухъ падежей. Въ синтаксическомъ отдѣлѣ слѣдовало бы, правда, обращать особенное вниманіе на древнѣйшіе памятники разбираемыхъ языковъ, такъ какъ въ нихъ первоначальныя функціи отдѣльныхъ падежей гораздо яснѣе и отчетливѣе обрисовываются, нежели въ произведеніяхъ позднѣйшихъ періодовъ развитія языка. Этими соображеніями я, къ сожалѣнію, не могъ руководиться относительно ведаическаго языка, не успѣвъ еще, по недостатку времени, вполнѣ ознакомиться съ этою древнѣйшею формою санскрита. Примерами изъ эпическаго и драматическаго слога я обязанъ своему брату, Викентію Ивановичу, предоставившему въ мое распоряженіе рукопись санскритскаго син-

таксиса. Ссылки, заимствованныя изъ антологіи Лассена, обозначены буквою L. Примѣры изъ Mahābharata, Mudrārākṣasa, Mālatīmādhava, Uttararāmaśaritra и законовъ Manu приведены по калькуттскимъ изданіямъ, Rāmājana по изд. Gorresio, Bhārtrhari по изд. Болена, Urvāṣi по изд. Ленца, Venīsaṁhāra по изд. Грилла, Gitagovinda по изд. Лассена, Pañcatantra по изд. Бенфея, Hitopadesa по изд. Ионеса, Śakuntala и Indische Sprüche по изд. Бётлингга. При греческихъ цитатахъ малыя буквы означаютъ соотвѣтствующія книги Одиссеи, прописныя — Иліады. Отрывки греческихъ лириковъ и Эврипида я привожу по изд. Гартунга, Пиндара по изд. Диссенія, Теогносиса по изд. Велькера, Эсхила по изд. Германна, Аристофана по изд. Брунка, фрагменты латинскихъ драматиковъ по изд. Риббека, Эннія по изд. Фалена.

I.

Разъясненіе многихъ спорныхъ вопросовъ, касающихся образованія и развитія падежей, составляетъ несомнѣнную заслугу современнаго языковѣдѣнія. Еще въ началѣ этого столѣтія объ образованіи падежныхъ окончаній и о первоначальной ихъ формѣ господствовали весьма смутныя понятія; въ настоящее же время, благодаря многосторонней напряженной дѣятельности весьма многихъ даровитыхъ тружениковъ въ области научной сравнительной обработки главныхъ языковъ индо-европейскаго племени, всѣ главные вопросы, относящіеся къ возникновенію падежей и къ основной формѣ примыкающихъ сюда суффиксовъ, до извѣстной степени можно считать рѣшенными. Какъ важнѣйшій результатъ многочисленныхъ произведенныхъ въ этомъ отношеніи изслѣдованій можно выставить то положеніе, въ силу котораго падежнымъ первоначальнымъ окончаніямъ должно приурочить значеніе исключительно *мѣстное*; изъ этого чисто мѣстнаго значенія развились, съ теченіемъ времени, тѣ разнообразныя отбѣнки, систематическое обозрѣніе которыхъ въ настоящее время является нерѣдко довольно затруднительнымъ. Между падежами, по обширному употребленію и по важности выражаемыхъ ими отправленій, мѣстный и развившійся изъ него дательный за-

нимаютъ безспорно одно изъ первыхъ мѣстъ. Мнѣнія ученыхъ касательно взаимнаго другъ къ другу отношенія этихъ двухъ падежей далеко не одинаковы. Между-тѣмъ-какъ нѣкоторые полагаютъ, что дательный существовалъ издревле самостоятельно и независимо отъ мѣстнаго, другіе отстаиваютъ мнѣніе, будто дательный развился изъ мѣстнаго, представляя одно только видоизмѣненіе этого послѣдняго. Такъ, напр., Боппъ¹ усматриваетъ въ санскрит. дат. ед. мѣстный, выходя отъ предположенія, что при основахъ перваго главнаго склоненія *i*, подчинившись сперва ослабленію, впослѣдствіи было замѣщено расширеніемъ основной гласной; Поттъ² полагаетъ, что греческій дательный слился изъ разныхъ падежей, хотя въ сущности стоитъ на одномъ ряду съ латинскимъ и санскритскимъ дательнымъ; Герландъ³ вполне отождествляетъ дательный съ мѣстнымъ; Шлейхеръ⁴ не высказываетъ особеннаго мнѣнія относительно образованія дательнаго, указывая весьма осторожно на возможность возникновенія первоначальнаго окончанія *-ai* или путемъ усиленія окончанія мѣстнаго *-i*, или же сокращеніемъ изъ *abhi*. Мы держимся рѣшительно того мнѣнія, что дательный основывается на первоначальномъ мѣстномъ, и что онъ непосредственно развился изъ него, представляя наслоеніе или расширеніе соотвѣтствующаго падежнаго окончанія. Въ доказательство такого взгляда разберемъ прежде всего способъ образованія мѣстнаго, причемъ считаемъ конечно необходимымъ положить въ основаніе нашихъ сравненій формы санскрита какъ древнѣйшаго языка индо-европейскаго племени.

¹ Vergl. Gramm. II. §§ 195—203.

² Etym. Forsch. II. 635.

³ Der altgriechische Dativ. Marburg. 1859.

⁴ Comp. 570.

А. ОБРАЗОВАНИЕ МѢСТНАГО И ОКОНЧАНИЯ ЕГО.

1. Въ единственномъ числѣ.

§ 1. Какъ въ ведическомъ языкѣ, такъ и въ позднѣйшемъ классическомъ санскритѣ мѣстный выражался одинаково черезъ приставку къ основѣ существительныхъ характернаго *-i*. Первоначальное значеніе этого *i*, по существу дѣла, трудно опредѣлить; тѣмъ не менѣе, по всей вѣроятности, слѣдуетъ усматривать въ немъ указательную мѣстоименную основу, встрѣчающуюся въ санскритскомъ *i-ha* здѣсь, *i-tas* отсюда, *i-ti* (лат. *i-ta*) такъ и прч. Это *i*, быть можетъ, есть тождественно съ греческимъ такъ-называемымъ *ἰῶτα δεκτικόν*, которое, будучи всегда ударяемо, приставляется къ указательнымъ мѣстоименіямъ и нарѣчіямъ: *οὗτοςί, τὰδί, ὅδι* и т. д. Въ латинскомъ же языкѣ обзывается указательная тема *i* въ формахъ мѣстоименій *qui, hic, quae, haec*, произшедшихъ изъ присоединенія *-i* къ основамъ *quo-, ho-, qua-, ha-*, причемъ въ первыхъ двухъ формахъ основная гласная была поглощена слѣдующимъ *i* (это исчезновеніе основной гласной встрѣчается и въ род. ед. числ. существительныхъ, склоняющихся по такъ-называемому второму склоненію, *agri* = *agro + i*). Къ основамъ на согласныя это *-i* прибавляется непосредственно: *sarit-i* (тема *sarit*) въ рѣкѣ, *pitar-i* (тема *pitar*) въ отцѣ, *átman-i* (тема *átman*) въ душѣ. Если основа оканчивается на *-a*, то *a + i* сливаются, согласно звуковымъ правиламъ, въ *-ê*: *vrkê* (изъ *vrka + i*, тема *vrka*) въ волкѣ, *karê* (тема *kara*) въ рукѣ, *gaḡê* (тема *gaḡa*) въ словѣ. Въ ведическомъ языкѣ *i* иногда подвергается продолженію, *vaktar-i*¹ (тема *vaktar* говорящій, глашатай), *êtari*²

¹ *Bohtl. & Roth, Sanskr. Wörterb. VI. 610.*

² *Benfey, Sanskr. Gramm. 301, 2.*

(тема *étar* темнаго значенія). Основы на *-и* утратили характерное падежное окончание, которое удержалось еще въ нѣкоторыхъ ведаическихъ формахъ; какъ-бы въ вознагражденіе утраченной гласной конечная гласная основы продолжается: *sûnâu* (но въ Ведахъ еще *sûnav-i*)¹ отъ темы *sûni* сынъ, *hanâu* (ведаич. *hanav-i*) отъ темы *hanu* челюсть, *Višnâu* (ведаич. *Višnav-i*) отъ темы *Višnu* (имя божества); *paçâu* отъ *paçi* (= лат. ре-си) скотъ, *bandhâu* отъ *bandhu* родственникъ. Аналогіи этихъ основъ слѣдуютъ основы на *-i*: *agnâu* (отъ темы *agni* = лат. *igni*-) въ огнѣ, *arâu* (отъ *ari*) въ непріятелѣ, *girâu* (отъ *giri*) на горѣ. Женскія основы, оканчивающіяся на долгую гласную, имѣютъ совершенно самостоятельное окончание *-âm*: *padj-âm* (отъ темы *padî*) въ рѣкѣ, *dhênv-âm* (отъ *dhênâ*) въ коровѣ, *bâlâ-j-âm* (отъ *bâlâ*) на дѣвушкѣ. И здѣсь, впрочемъ, въ Ведахъ встрѣчаемъ разныя формы на *-tê*, возникшія изъ *-tâ (-ta) + i*: *dêvatê* (классич. *dêvatâ-j-âm* отъ *dêvatâ* богиня).

Расширеніе характернаго *-i* въ *-in* (играющее весьма видную роль въ италійскихъ языкахъ) обнаруживается въ окончаніи мѣстнаго разныхъ мѣстоименныхъ основъ: *a-sm-in* (указательная основа *a-*) въ томъ, *ta-sm-in* (тема *ta-*) въ томъ; (*sm* сокращено изъ *sma*, которое въ свою очередь представляетъ нѣчто въ родѣ частицы²), *ka-sm-in* (тема *ka-*) въ комъ, *anja-sm-in* (тема *anja-*) въ другомъ и прч.

§ 2. Въ греческомъ языкѣ характерное *i*, соотвѣтствующее санскритскому *i*, служить уже выраженіемъ дательнаго; первоначальный мѣстный перешелъ уже въ другой, хотя сродный съ

¹ Schleicher, Comp. 566.

² Bopp, Sanskr. Gramm. 458.

нимъ, падежъ. Встрѣчаются, правда, и разныя формы на -i съ чисто мѣстнымъ значеніемъ, представляющія такимъ образомъ примѣры настоящаго древняго мѣстнаго. Но такихъ формъ относительно не много; изъ такъ-называемаго перваго склоненія сохранилось одно только *χαμαί* (отъ темы *χαμα*—лат. *humo*-); во второмъ склоненіи сюда относятся *Foίκοι* (санскр. *vēṣē* изъ *vaiṣai*), *πέδοι* (совпадающее по формѣ съ санскр. *padai*, на мѣстѣ). Aesch. Prom. 272. Πυθoῖ 9 80. I 405. Hes. Theog. 499. Pind. O. 7. 10. Arist. Lys. 1131. Ἴσθμοῖ Pind. O. 2. 48. Κικυννοῖ, Μεγαροῖ (у Аристофана), наконецъ Пулоῖ попадающееся впрочемъ только въ эпическомъ словѣ Пуλογενής В 54. Ψ 303. Hymn. Ap. 424. Чаше всего встрѣчаются такіе древніе мѣстные отъ основъ на согласную, причемъ однако нужно замѣтить, что эти мѣстные по формѣ своей уже вполнѣ совпадаютъ съ дательнымъ: Λακεδαιμόνι Γ 337. Pind. J. 1. 17. Ἄργεϊ Ξ 119. Ζ 224. Eur. Iph. Taur. 208. 646. Ἑλλάδι Π 595. Πυθoῖν Pind. O. 2. 48. P. 7. 10. ἀκροτάτῳ Ἑλικῶνι Hes. Theog. 7. πάσῃ Πλευρῶνι καὶ αἰπεινῇ Καλυδῶνι Ν 217. Μαγεαθῶνι Ar. Eq. 781. Ach. 697. Thesm. 806. Thuc. I. 73. 4. αἰθέρι В 412. Δ 166. Hes. Op. 18. Theogn. symp. 913. Aesch. Ag. 6. αἴερι Eur. Suppl. 1157. κρητῆρι δ 222. τ 269. μέσση ἀλί δ 844. ἰσμίην В 863. Θ 56. χροῖ ζ 61. λειμῶνι Φ 48. Π 151. γαστέρι Ζ 58. χθονί Soph. Trach. 789.

Въ аттическомъ нарѣчій, выражаетъ уже правильно дательный единственнаго: характерная гласная присоединяется непосредственно къ основанъ на согласныя и къ такимъ, которыя слѣдуютъ аналогіи ихъ: ποδ-*i* (скр. *pad-i* на ногѣ), Φελπίδ-*i*, παῖδ-*i* (тема παῖδ- мальчикъ), γέροντ-*i*, σώματ-*i*, οὐ-*i*, βοF-*i* аттич. βοί=скр. *gav-i*), οἶ-*i* (οἶ-*i*), νηF-*i* (скр. *nāv-i*), κυν-*i* (скр. *syn-i*, тема *cvan-*), ΔιF-*i* (Δι-*i*=скр. *djav-i* и *div-i* на

небѣ, въ воздушномъ пространствѣ), *μν-ι* и пр. Въ основахъ на *ι* и *υ* эти гласныя передъ падежною гласной подвергаются вліянію расподобленія (диссимиліаціи), переходя въ *ε*: *πόλε-ι* изъ *πολι-ι* (дор. *πόλι*), *πήχε-ι* изъ *πηχυ-ι*, *γλυκε-ι* изъ *γλυκυ-ι* и прч. Въ основахъ на первоначальное *-tar* выпадаетъ гласная суффикса: *πα-τε-ι* (скр. *pitar-i*, первоначальная основа *patar*), *δυχα-τε-ι* (скр. *duhitar-i*), *μη-τε-ι* (скр. *mātar-i*). Однѣ только основы на первоначальное *-a* (какъ краткое, такъ и долгое) для выраженія дательнаго употребляютъ расширенное черезъ *a* окончаніе *-ai*, о чемъ сравн. § 9.

Дательный мѣстоименныхъ основъ слѣдуетъ аналогіи существительныхъ; такъ *ἐ-μο-ι*, *μο-ι*, *σο-ι* (т. е. *σφο-ι* = *τφο-ι* изъ *tva-i*), *οἶ*, *ἐοἶ* (*sava-i*) представляютъ собственно формы мѣстныхъ падежей.

Къ формамъ, удержавшимъ характеръ древняго мѣстнаго, не причисляемъ однако дор. *ἐμίν*, *τίν* (= древн.-іон. *τείν*), *ἐίν*, такъ-какъ онѣ возникли изъ присоединенія къ соотвѣтствующимъ основамъ другаго, болѣе сложнаго суффикса *-φιν*, совпадающаго съ первоначальнымъ *-bhi-am* (скр. *bhjam*)¹; *ἐμίν*, *τίν* = *τείν* и др. объясняемъ такимъ образомъ изъ **ἐμε-φιν*, **τφε-φιν*, т. е. **ta-bhi-am*, **tva-bhi-am* = скр. *ta-hj-am*, *tu-bhj-am*; сложный суффиксъ *-bhjam* состоитъ изъ *bhi* = *abhi* (къ, при) и указательнаго *-am*. Приведеннымъ санскритскимъ формамъ соотвѣтствуютъ латинск. *mi-hi*, *ti-bi*, въ древнемъ языкѣ *mihei*, *tibei*, умбр. *mehe*, *tefe*.

Какъ дорійск. *ἐμίν*, *τίν*, такъ должно объяснять и аттич. *ἡμίν*, *ὑμίν*, которымъ соотвѣтствуютъ эолійскія и древне-іонійскія *ἄμμι(ν)*, и *ὑμμι(ν)*; сокращеніе этихъ формъ изъ **asmi-*

¹ Schleicher, Comp. 646—47.

āhi-am и *(j)usmi-bhi-am выходить изъ сравненія ихъ съ со-
отвѣтствующими санскр. *astabhjam* и *jūṣtabhjam*.

Греческія нарѣчія по способу выраженія первоначальнаго
мѣстнаго и позднѣйшаго дательнаго не разнятся отъ аттиче-
скаго: сравн. дор. Λουδάμ-ι, κουρίδ-ι, Δί, κλάδ-ι (ключу),
καί, Σατράπε-ι (изъ ι-ι); эол. Ἀρτέμιδ-ι, Ἀρεν-ι (или Ἀρεν-ι),
καί; въ послѣднемъ нарѣчій атт. ε-ι (изъ ι-ι) перѣдео стя-
гивается въ -ι: πόλι (рядомъ съ πόλει), διαλύσι¹. Характеръ
настоящаго мѣстнаго обнаруживается однако еще въ дор. ἐν
Περικλυ-ι и ἐν Ἰοθμο-ι².

§ 3. Въ латинскомъ языкѣ *i*, какъ указатель чистаго мѣст-
наго, встрѣчается въ ограниченномъ числѣ словъ, преимуще-
ственно въ нѣкоторыхъ формахъ основъ на первоначальное *a*: *dom-i*,
bell-i, *hum-i*, *anim-i*, *militia-i*, *Corinth-i*, *Roma-i* (позднѣй-
шее *Romae*), *Tarent-i* и прч.

Для выраженія дательнаго, темы на согласныя и слѣдующія
изъ аналогіи принимаютъ окончаніе первоначальнаго мѣстнаго
-i точно такъ, какъ въ греческомъ языкѣ: *nomīn-i* (скр. *nā-*
tmāi или *nātmn-i*), *ped-i* (скр. *pad-i*), *su-i* (греч. *συ-ι*), *bov-i*
(греч. *βοF-ι*), *rei* (скр. *rā-j-i*; имен. ед. *rā-s* = лат. *res*), *do-*
mi-i, *usu-i* и прч. Основы на -i стягиваютъ, равно какъ въ
эолийскомъ нарѣчій, -i-i въ i (въ древнемъ языкѣ -ei): *ov-i*,
host-i, *ign-i*, древне-лат. *ovei*, *hostei*, *ignei*. -ei въ памятни-
кахъ древне-латинскихъ встрѣчается весьма часто: *fraud-ei*,
action-ei, *oper-ei*, *urb-ei*, *patr-ei*, *Hercul-ei* (и *Hercol-ei*),
*virtut-ei*³; на tab. Bant. *leeg-ei*; *heic-ei* *suav-ei*⁴; такъ и въ
темахъ на первоначальное -u: *senatu-ei*⁵.

¹ Ahrens, De dial. aeol. 116. — ² Ahrens, De dial. dor. 227.

³ Corssen, Ueber Ausspr. und Vocal. I. 215. — ⁴ Corssen, I. 219.

⁵ Corssen, I. 216.

Произношеніе этого окончанія подвергалось однако, должно быть, уже весьма рано колебаніямъ, такъ-какъ уже на надписяхъ древнѣйшей эпохи для основъ, оканчивающихся на согласныя или слѣдующихъ аналогіи темъ на *-i*, въ дательномъ встрѣчаемъ окончаніе *-i*; такъ читаемъ на древнѣйшихъ памятникахъ: *Junon-e*, *patr-e*, *Mart-e*, *Hercl-e*, *Diov-e*¹; на позднѣйшихъ памятникахъ: *frug-e*, *jur-e*, *parent-e*, *aer-e*. Не встрѣчаясь во время полного процвѣтанія языка, это окончаніе на *-e* всплываетъ опять наружу въ надписяхъ изъ временъ позднѣйшихъ императоровъ: *conjug-e*, *Neron-e*, *felic-e*². Такое колебаніе въ правописаніи Шухардтъ³ объясняетъ двоякимъ произношеніемъ долгаго *-i*, яснымъ и неопредѣленнымъ, занимающимъ среднее мѣсто между *e* и *i*, а потому въ архаическомъ періодѣ выражаемомъ и на письмѣ черезъ *-ei*. Расширенное *-ai* приставляется, въ видѣ особаго окончанія, только къ темамъ на первоначальное *-a* (§ 10).

Не безъ интереса сравненіе соответствующихъ окончаній въ сродныхъ съ латинскимъ италійскихъ нарѣчіяхъ, особенно въ умбрійск. и оскскомъ. Въ оскскомъ языкѣ настоящій мѣстный встрѣчаемъ въ разныхъ основахъ на *-a*: *alttre-i* (лат. *in altero*), *potere-i-pid* (*in utroque*), *thesavre-i* (*in thesauro*)⁴; *via-i mēfa-i* (*in via media*); *muinike-i tere-i* (*in terra communi*)⁵; *moinkei terei*⁶. Съ лат. *Romae* (изъ *Roma+i*) совпадаетъ оск. *Bansae* (= лат. *Bantiae*). Въ основахъ на согласныя встрѣчаемъ *-ei*, *-i*, какъ

¹ Corssen, I. 215; Hugo Schuchardt, Der Vocalismus des Vulgarlatein. II. 83.

² Corssen, I. 269.

³ Vocalismus des Vulgarlatein. II. 69.

⁴ Corssen, I. 205.

⁵ Schleicher, Comp. 568.

⁶ Corssen, Oskische Beiträge, Kuhn's Zeitschr. V, 85.

въ лат. языкѣ: *pater-ei* (древне-лат. *patrei*), *Diuv-ei* (лат. *Jov-i*, древн. *Jov-ei*), *medik-ei* и прч. Такія основы слѣдуютъ, по-видимому, аналогіи темъ на *-i*: *tiurrei* (лат. *turri*, въ древн. языкѣ *turrei*).

Въ осекскомъ языкѣ попадаетъ также расширенное окончаніе мѣстнаго *-in*: *post-in* за, потомъ (умбр. *pust-in*)¹; *tacui-in in ordine* (въ таб. Bant.: *pis tacusiim nerum fust = quis in ordine nobilium fuerit*); *hort-in Kerrii-in in horto Cegeali*². Въ латинскомъ языкѣ попадаетъ это расширеніе мѣстнаго окончанія какъ часть разныхъ сложныхъ нарѣчій или прилагательныхъ: *pro-in-de*, *per-in-de* (*-de* представляетъ сокращеніе изъ *die*); *long-in-quus*, *intr-in-secus*, *h-in-c* (изъ *ho-in-ce*), *ist-in-c* (*isto-in-ce*)³ и пр. Хотя Корссенъ объясняетъ такое *-in* изъ *-fim*, сокращеннаго, по его мнѣнію, изъ *ai-fim*, но мы къ такому мнѣнію не можемъ присоеди- нить, въ виду санскр. *ka-sm-in*, *anja-sm-in* и др., гдѣ *-in* оказывается простымъ расширеніемъ характернаго *i*.

Локативъ на *-in* встрѣчается и въ сабелльскомъ языкѣ: *es-tem-ek asin*, на этомъ жертвенникѣ⁴.

Образованіе дательнаго черезъ окончаніе мѣстнаго въ умбрійскомъ языкѣ такое-же, какъ въ осекскомъ и латинскомъ, но только здѣсь *i* почти всегда замѣняется черезъ *-e*: *potn-e*, *patr-e*, *coll-e*, *ukr-e* (*colli*) и пр.

§ 4. *i* какъ характерная примѣта первоначальнаго мѣстнаго

¹ Bagge, Oskisches, Kuhn's Zeitschr. V, 4—5.

² Ср. Corssen, Oskische Beiträge, Kuhn's Zeitschr. V. 119—134.

³ Къ послѣднимъ двумъ формамъ присоединилось для усиленія *s* (изъ *se*) окончаніе и въ локативахъ *illi-c*, *isti-c* (*illi* Plaut. Trin. II. 4. 129. *isti* Most. III. 1. 71 и чаще). Совершенно тождественное съ такимъ *s* значеніе обнаружено въ греческомъ $\gamma\epsilon$: $\epsilon\gamma\omega\gamma\epsilon$ и русскихъ «же» и «ка».

⁴ Ср. Grassmann, Kuhn's Zeitschr. XII. 256.

удержалось даже еще въ тѣхъ языкахъ, которые, по мѣрѣ знакомства нашего съ древнѣйшими ихъ памятниками, изобличаютъ типъ, относительно, позднихъ періодовъ.

На-выдержку представимъ примѣры изъ готскаго, литовскаго и славянскаго языковъ. Въ готскомъ языкѣ, въ замѣчательномъ совпаденіи съ санскритскимъ, встрѣчаемъ въ разныхъ основахъ для мѣстнаго окончанія *-i* и *-in*; такъ въ женскихъ основахъ на *-a* (*-ja*, *-va*): *giba* f. даръ, дат. ед. *giba-i*¹; *mavi* (основа *mavja*) дѣвушка, дат. *mavja-i*; *bandva* f. знакъ, дат. *bandva-i*. Сюда же принадлежатъ всѣ женскія основы на *-i*: *arbaith-i* (им. ед. *arbaiths*) работа, дат. *arbaithai*. Расширеніе *-in* принимаютъ основы на *-an*, какъ мужескаго, такъ и средняго рода: *hana* (основа *hanan-*) пѣтухъ, дат. *han-in*²; *hairtô* сердце, дат. *hairt-in*. Основы на *-u* имѣютъ, какъ въ санскритѣ, *-au* (изъ *-av-i*): *sunu-* (имен. единств. *sunu-s*) сынъ, дат. *sun-au* (скр. *sûn-âu*).

Въ литовскомъ языкѣ характерное *-i* удержали особенно основы на *-a*, *-i*, *-u*; *rónas* господинъ, дат. ед. *rónu-i*; *rankà* рука, дат. *ranka-i*³; *akìs* глазъ, дат. *ake-i* (изъ *aki-i* равно какъ греч. *πόλε-ι* изъ *πολι-ι*); *dangu-s* небо, дат. *dangu-i*. Примѣръ дательнаго основы на согласную: *dukter-e-i* дочери, им. *dukté* (скр. *duhitâ*), основа *duktar*⁴.

Въ древне-болгарскомъ языкѣ мѣстный падежъ въ полномъ

¹ Gabelentz und Loebe, Goth. Gr. 60.

² Эбель (Bemerkungen zur gothischen Decl., Kuhn's Zeitschr. IV, 143) полагаетъ, что *i* въ *hanin* произошло ассимиляціей изъ *-a*: *hanani*, *hanini*, *hanip*, и считаетъ несомнѣннымъ, что готскій дат. ед. основывается на санскритскомъ мѣстномъ и что вообще въ языкахъ индо-европейскаго племени въ муж. и средн. родахъ дательный и мѣстный различаются одинъ отъ другаго лишь точнѣйшимъ разразиваніемъ суффикса.

³ Schleicher, Lit. Gramm. 178.

⁴ Schleicher, Lit. Gramm. 193.

употребленіи; и здѣсь онъ правильно обозначается черезъ типическое *-i*: мор-н (имен. море), нмен-н (нма), мжж-н (им. мжж); влѣц-ѣ (т. е. *vlīk-ia* изъ *vlīka-i*), коз-ѣ (изъ *ba-roi*), жен-ѣ (изъ *ganā-i*) и пр. Въ весьма многихъ основахъ дательный и мѣстный выражаются черезъ одну и ту-же форму: матер-н, небес-н, нмен-н, пжт-н, глав-ѣ и прч. Опускание характернаго *i* въ основахъ на *-и* и въ тѣхъ, которыя слѣдуютъ аналогіи ихъ, усматривается и здѣсь: дат. влѣк-оу мѣстн. дин-оу и пр.

2. Мѣстный множественнаго.

§ 5. Въ множественномъ мѣстный въ древнѣйшей дошедшей до насъ формѣ оканчивается на *-sua*, которое, по-видимому, не состоитъ ни въ какой связи съ соответствующимъ окончаніемъ единственнаго. *-sua* удержалось безъ сокращенія въ зендскомъ языкѣ, гдѣ оно по звуковымъ правиламъ переходитъ то въ *-šua*, то въ *-hva*: *unā-hva*¹, въ локонахъ; *khšathri-šua* (основа *khša-thri*) въ женщинахъ; *anaghraē-šua temō-hva*², въ безконечныхъ текнотахъ и пр. Въ позднѣйшихъ формахъ уже въ зендскомъ языкѣ выпаденіемъ гласной окончаніе стянуто въ *-hu*: *urvarā-hu* въ растеніяхъ. Въ санскритѣ этому окончанію соответствуетъ *-su*, подвергающееся, въ силу звуковыхъ законовъ (за *i*, *u*, *r*), превращенію въ *-śu*: *sarit-su* (основа *sarit* рѣка), *rāgā-su* (основа *rāgā*, им. ед. *rāgā* царь), *vāk-su* (или *vāk-śu* отъ *vāc* голосъ, рѣчь), *agni-śu* (*agni* огонь), *setu-śu* (*setu* мостъ), *pitr-śu* (*pitar* отецъ). Въ основахъ на *-a* къ *-su* присоединяется еще *-i*, т. е. характеристика того-же падежа въ единственномъ: *vrka-i-su* = *vrkēśu* (отъ *vrka* волкъ), *aṇvēśu* (отъ *aṇva* лошадь). Въ женскихъ основахъ на долгое *ā* при-

¹ Jacq. Handb. der Zendsprache. 62.

² Jacq. Handb. d. Zendspr. 19.

ставляется одно только *-su*: *krijā-su* (отъ *krijā* дѣло), *sē-nāsu* (отъ *sēnā* войско).

§ 6. Въ греческомъ языкѣ окончаніе первоначальнаго мѣстнаго выражаетъ дательный множественнаго; изъ *-sua* = σφα, σφα путемъ ослабленія становилось *-σφ*; и затѣмъ вліяніемъ уподобленія *-σσι*, встрѣчаемое часто въ эпическомъ слогѣ и подвергающееся затѣмъ сокращенію въ *-σι*. Представимъ сперва примѣры формъ на *-σσι* въ гомерическомъ слогѣ: *νέκυ-σσι* χ 401 и *νεκῦ-εσσιν* λ 485, *βόεσσιν* (т. е. βοF-ε-σσι, скр. *gō-šū*) M 105, *Γεπῖ(σ)ε-σσι* (за выпаденіемъ находящагося въ суффиксѣ σ) B 75, *κύν-ε-σσι* A 4, *ἀριστή-ε-σσι* (отъ *ἀριστευ-*) H 184, *πολί-ε-σσι* ω 355, *ῥέ-ε-σσι* K 486, *σπή-ε-σσι* (отъ *σπέος*) ι 400. Уже изъ приведенныхъ немногихъ примѣровъ легко усмотрѣть, что это окончаніе распространялось на весь ма разнообразныя основы. Происшедшее въ аттическомъ нарѣчій сокращеніе древне-іон. *-σσι* въ *-σι* встрѣчаемъ также уже у Гомера въ многочисленныхъ формахъ; такъ, рядомъ съ *ῥέεσσι* K 486 попадаетъ также *ῥέσιν* ο 386 (и *ῥεσιν*, т. е. ῥFεσι, скр. *avi-šū*); кромѣ *δούρεσσι* θ 528 встрѣчаемъ еще *δούρασιν* Φ 162, кромѣ *γούνεσσι* I 488 — *γούνασι* E 370 (изъ *gonva-sua*), *νέεσσιν* Ξ 51 (*νήεσσι* B 688) — *νησὶ* B 725, *χείρεσσιν* Γ 367 — *χείρεσι* Υ 468, *πολέσσι* (отъ *πολύς*) P 308 — *πολέσιν* Λ 688, *ἄνδρεσσι* E 874 — *ἄνδράσι* Γ 6 и прч. Такъ и въ разныхъ мѣстоименныхъ основахъ: *τοῖσδεσι* Φ 93 и *τοῖσδεσσι* β 165.

Въ аттическомъ нарѣчій вездѣ уже преобладаетъ окончаніе *-σι*, предъ которымъ нѣкоторыя конечныя согласныя основы претерпѣваютъ выпущеніе или разныя видоизмѣненія: *κόραξι* (*κο-ρακ-σι*), *αἰξί* (*αἰγ-σι*), *φλεψί* (*φλεβ-σι*), *γυναιξί* (*γυναικ-σι*), *φοψί* (*φοп-σι*); ν, τ, δ, θ въ качествѣ конечныхъ согласныхъ

выпадаютъ передъ -σι: *μη-σί* (основа *μην-*), *λειμῶ-σι* (*λειμῶν-*), *ψη-σί* (*ψην-*), *ποιμέ-σι* (*ποιμεν-*), *μείζο-σι* (*μειζον-*), *χρημα-σι* (*χρηματ-*), *κέρα-σι* (*κερατ-*), *ἔρι-σι* (*ἐριδ-*), *Фελπί-σι*, (*Фελπιδ-*), *ламπα-σι* (*ламπαδ-*), *πο-σί* (*ποδ-*), *κόρυ-σι* (*κορυθ-*). Выпадению подлежатъ даже двѣ конечныя согласныя *ντ* въ основѣ: *γίγα-σι* (изъ *γίγανт-σι*), *χαρί-ε-σι* (изъ *χαριενт-си*), *λυθ-σι* (изъ *λυθενт-си* съ продолженіемъ предшествующей гласной). Если основа оканчивается на *-οντ*, въ такомъ случаѣ *-ονт-си* переходитъ въ *-ουσι*: *ὀδοῦ-σι* (изъ *ὀδονт-си*), *Фέρου-σι* (изъ *Феронт-си* — скр. *bharat-su*). Такой переходъ *-онт-си* въ *-ουσι* объясняется выпаденіемъ *τ* и нерѣдимъ и въ другихъ языкахъ: *-он* въ *-он* въ *он*. Относительно этого послѣдняго можемъ указать на соотвѣтствіе древне-болгарскаго *ж* (= *-он*) русскому *у* (*мжжъ* = *мужъ*, *бждж* = *буду*, *зжжъ* = *зубъ*) и на сходство *ам* съ *и* въ языкахъ индо-европейскаго племени: скр. *kamr* дрожать и *kup* сердиться; лат. *ambo*, греч. *ἄμφω* и скр. *māhān*; скр. *nam* кланяться и лат. *ni* кивать (*an-ni-ens*, *ni-tus*), греч. *νεύ-ειν* и пр.

Основы на *-tar* подвергаются перестановкѣ въ суффиксѣ: *πατρά-σι* (тема *πατερ-*), *δυγατρά-σι* (скр. *duhitr-šu*).

Основы на *-i* и *-u*: *су-сі*, *му-сі*, *πόρτι-си*; обыкновенно въ такихъ основахъ конечное *ι*, а по аналогіи съ нимъ и *υ*, переходить въ *ε*, по-видимому, расподобляющимъ влияніемъ *ι* въ окончаніи: *πόλε-си* (но у Геродота *πόλι-си* VI. 59), *κτήσε-σι* (тема *κτησι-*), *ἐγχέλε-σι* (*ἐγχελυ-*) и пр.

Такимъ на первоначальное *-а* въ полномъ согласіи съ санскритомъ принимаютъ еще прибавочное *ι*; такіа формы встрѣчаются также однаково въ древне-іонійскомъ и въ аттическомъ нарѣчіи. Примеры изъ гомерическаго нарѣчія: *θεο-ῖ-σιν* κ 74 и *θεο-ῖ-ε* κ 371, *ἄμο-ι-σιν* Γ 17 и *ἄμο-ι-ε* θ 19, *μεγάλη-σι*

η 279, κλισίῃ-σι 9 501, πολλῇ-σιν В 108, θεῇ-σιν Θ 305.
(θεῇ-ς Γ 158, θεα-ῖ-ς ε 119). Въ аттическомъ нарѣчїи
λόγῳ-ι-ς, φίλῳ-ι-ς, φέρῳ-ι-ς, λύκο-ι-ς (λύκοις = skr. *vrkēṣu*),
λύρα-ι-ς, ἡδονα-ῖ-ς, ἀρετα-ῖ-ς. Чистые локативы на -σι пред-
ставляютъ еще δύρα-σι Soph. Oed. Col. 401, Πλαταιαῖ-σι
Thuc. I. 130. 1. Ἀθήνη-σι Xen. An. VII. 7. 57. Ὀλυμπιαῖ-σι
Ar. Lys. 1131.

Въ греческихъ нарѣчїяхъ окончанія мѣстнаго множественнаго
въ общемъ сходятся съ аттическими. Въ эолійскомъ нарѣчїи
основы на согласныя принимаютъ правильно -εσσι: κυλίκ-εσσι
Sapph. 5. Ἀρκάδ-εσσι 89. πόδ-εσσι 69. νά-εσσι (т. е. ναF-
εσσι) Alcae. 102 (и по аналогїи этихъ κεκυ-έσσι Erin. 6);
иногда попадаются впрочемъ также сокращенныя формы на -σι
хέρ-σιν Sapph. 53, δρύ-σιν 63, στήθε-σι 2. 6. Alcae. 105.
(въ беотійскомъ нарѣчїи -εσσι: βού-εσσι, ἄνδρ-εσσι¹). Основы
на первоначальное -α принимаютъ -ισι: θέο-ισιν Sapph. 2. 1.
τίοισιν (=τίσιν) ὀφθαλμο-ῖσιν 163. τα-ῖσι 19. ἔμα-ισι 11.
ἀνθρώπο-ισιν Alcae. 66. како-ῖσι 64. κεφάλαι-ισιν 29. ναῦτα-
ισιν Erin. 5. χουσέο-ισιν ἀνθέμο-ισιν Sapph. 87. Встрѣчаются
впрочемъ и сокращенныя формы на -ις: τα-ῖς κάλα-ις Sapph.
14. εταίρα-ις 11. ὀφθαλμο-ῖς 77. θεο-ῖς 113. ἀλλάλο-ις
Alcae. 55. ἀνθρώπο-ις 85, λάο-ις 24. Въ беотійскомъ нарѣ-
чїи эолійскому и аттическому -οις отвѣчаетъ окончаніе -υς: θε-
υς, ἄνθρωπ-υς, λόγ-υς; λευκοπέπλ-υς Corinn. 18. Этотъ свое-
образный переходъ οἱ въ и имѣетъ мѣсто и въ италійскихъ
языкахъ. Такъ, напр., древне-лат. -οἱ въ классическій періодъ
перешло въ и: *oinos*, *loidos* = *ūnus*, *lūdus*; древн. *poīna* (= *roe-*
na, атт. *ποινή*, дор. *ποινά*) и *pūn-īre* и т. д. Въ дорійскомъ

¹ Ahrens, De dial. boeot. 204.

05. основы на согласныя имѣютъ правильное окончаніе -σι
 6) χεῖ-σι Alecm. 43. 5. βένθε-σι 83. 5. ἄνθε-σι Theocr.
 5. 87. φάρε-σι Bion Ep. Ad. 9. -εσσι (-σσι) встрѣчается
 ред- и здѣсь: δαιτυμόν-εσσιν Alecm. 44. ἄλκυον-έσσι 59.
 -σι 3. πάλ-εσσι Thuc. V. 79. ἐπέ-εσσι Theocr. 1. 35. ὄ-εσσι 5.
 5. 130. Δαριέ-εσσιν 15. 93. πάντ-εσσι 15. 105. На гераклеѣ-
 5. 130. таблицѣхъ попадаетъ даже окончаніе -ασσι: ποῖοντ-ασσι,
 5. 130. τραχύντ-ασσι. Объ упадкѣ формальнаго совершенства вслѣд-
 5. 130. ствіе сдѣшенія самостоятельныхъ типовъ свидѣтельствуютъ спо-
 5. 130. радическія дорійскія формы, какъ то: ἀγών-οις, γερώντ-οις,
 5. 130. ποσειδάων-οις и др.¹. Дорійскія основы на первоначальное -α
 5. 130. не отличаются отъ эолійскихъ: κορυφα-ῖς Alecm. 43. 1. Θεο-ῖσιν
 5. 130. 43. 2. θνατο-ῖσιν Theocr. 1. 101. αὔκοινα-ισιν 3. 44.

05. § 7. Надежа съ этимъ окончаніемъ въ италійскихъ языкахъ
 5. 130. нѣтъ, и такъ-какъ въ нихъ ни малѣйшаго слѣда подобнаго
 5. 130. окончанія не отыскано, то врядъ-ли мѣстный на -sua былъ
 5. 130. когда-нибудь у нихъ въ употребленіи. Изъ тѣхъ индо-евро-
 5. 130. пейскихъ языковъ, которые, кромѣ вышеупомянутыхъ, удержали
 5. 130. окончаніе -sua, можно указать только на литовско-славянскіе язы-
 5. 130. ки; въ славянскомъ санскритскому -su (греч. -σι) соотвѣт-
 5. 130. ствуетъ -хъ: вдовахъ (=скр. *vidhavā-su*)², матере-хъ (=скр.
 5. 130. *mātṛ-ṣu*); бозѣ-хъ (изъ *bhaga-i-chī* скр. *bhagē-ṣu*); домо-хъ
 5. 130. (скр. *damēsu*); огнѣ-хъ (-ехъ скр. *agni-ṣu*)³. Изъ попа-
 5. 130. давшихся иногда въ литовскомъ языкѣ окончаній мѣстнаго множ.
 5. 130. -as = -san Фортунатовъ⁴ выводитъ заключеніе, что первоначаль-

¹ *Alrens, De dial. dor.* 230—31.

² *Bopp, Gramm. Comp.* II. 130.

³ О дательномъ и мѣстномъ въ древне-болг. языкѣ ср. *Bopp, Gramm. Comp.* II. 137—39.

⁴ *Fortunatov, Miscellanea* въ *Kuhn, Beitr.* VIII. 116.

чальное окончаніе мѣстнаго множ. было *-svam* или *-svan*; это же окончаніе по его мнѣнію удержалось также въ греч. *-σιν*, *-σσιν* ($= -σιν$), гдѣ *υ* ἐφελκυστικόν не представляет прибавки звуковой, а объясняется точно такъ, какъ въ окончаніи дат. и абл. множ. (*φιν* изъ первоначальнаго *-bhjams*).

Б. Дательный и его окончанія.

1. Въ единственномъ числѣ.

§ 8. Собственный дательный по отношенію къ мѣстному имѣетъ самостоятельное окончаніе лишь въ санскритскомъ и Zendскомъ языкахъ: *-ai*. Изъ простаго сравненія *-ai* съ характернымъ окончаніемъ мѣстнаго *-i* вытекаетъ возникновеніе его путемъ усиленія изъ первоначальнаго *-i*. Такъ-называемое первичное усиленіе (въ санскритѣ *yuна*) состоитъ вѣдь въ приставкѣ спереди къ усиливаемой гласной краткаго *-a*, вслѣдствіе чего $a + i = ê$ (скр. *vid*, знать, *vaida* = *vêda* знаніе; *bhid* раздѣлять — *bhaida* = *bhêda* различіе). Такимъ образомъ мы усматриваемъ въ *-ai* не что иное, какъ усиленное *-i*. Шлейхеръ¹ указываетъ также на возможность происхожденія этого окончанія изъ *abhi*, т. е. изъ древняго предлога, выражающаго по значенію приближеніе и соответствующаго греч. *ἄμφι*- и лат. *ob*-. Этого мнѣнія придерживается и Грасеманн², который полагаетъ, что «въ ед. числѣ, но только послѣ гласныхъ, въ окончаніи *-abhi* начальное *a* было поставлено на конецъ, вслѣдствіе чего произошло *-bhja* (оказывающееся въ ведическомъ *asma* *-bhja* намъ). Къ этому окончанію присоединяется еще указательное *-am* въ формахъ *tubhjam*, *mahjam*, *asmabhjam*, *jushabhjam*, которымъ по формѣ и значенію вполне соответствуютъ дорійскія *êriv*

¹ Comp. 570.

² Kuhn's Zeitschr. XII. 258—59.

(= сскр. *mahjam*), *teiv* (= сскр. *tubhjam*), *σφι*, *σφι* (лат. *mihi*), *ἡμῖν*, *ὑμῖν* (*ἄμῖν*, *ὑμῖν*). Кромѣ этихъ дательныхъ лич-
ныхъ мѣстоименій», продолжаетъ онъ, «нѣтъ другой падеж-
ной формы, имѣющей въ такомъ-же видѣ окончаніе *-bhjam*
или *-bhja*, а всѣ прочіе дат. ед. числ. (на-сколько они не до-
казаны) основываются на первоначальномъ суффиксѣ *-abhi*;
прежде всего уже въ силу господствующаго для разныхъ окон-
чаній закона односложности *bh* должно было выпасть, такъ-что
изъ *ai* произошло *e*; такой-же выпускъ встрѣчается и въ ин-
струменталѣ множ. числ. основъ на *-a*: *devais* = ведическое
devabhis. Но съ такимъ мнѣніемъ мы не можемъ примириться
при столь очевидной связи (и въ синтаксическомъ отношеніи)
дательнаго съ мѣстнымъ. Нельзя конечно отрицать, что *mah-
jam*, *tubhjam*, *asmabhjam*, *jusmabhjam* и лат. *mihi*, *tibi*, *sibi*
относительно образованія своихъ формъ стоятъ совершенно осо-
бо; не отвергаемъ и того, что подобное положеніе занимаютъ и
притяжкія *ἑμῖν*, *τεῖν*, *εἰν*, *ἡμῖν*, *ὑμῖν* и прч.; но, не смотря на
это, приведенныя формы представляютъ весьма шаткую почву
уже въ виду того обстоятельства, что всѣ онѣ свойственны
только личнымъ мѣстоименіямъ, которыя при образованіи и дру-
гихъ падежей далеко не слѣдуютъ образцу основъ существи-
тельныхъ (ср. *mama*, *tava* = *tvatva*, представляющія удвоенную
форму *ma* и *tva*; въ латинскомъ же языкѣ родительнаго личныхъ
мѣстоименій нѣтъ, а онъ замѣняется родительнымъ притяж. мѣ-
стоименій; далѣе *istius* вмѣсто *ejus-te* и т. д.). Въ виду этого
для дательнаго падежа личныхъ мѣстоименій должно предпо-
ложить особое окончаніе, состоящее изъ *bhi* (вѣроятно = *abhi*),
встрѣчаемаго впрочемъ и въ другихъ окончаніяхъ (*-bhjām*,
-bhis, *-bhjas*), и указательнаго *-am*; но нѣтъ никакой причины
предполагать то-же окончаніе и для номинальнаго склоненія; это-

го убѣжденія мы будемъ держаться по-крайней-мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не откроется гдѣ-нибудь несомнѣнное доказательство употребленія *-bhi* (или *abhi*) въ дательномъ какой-нибудь основы существительнаго или прилагательнаго.

Въ пользу же нашего взгляда, кромѣ полного формальнаго соответствія простого *-i* усиленному *-ai* (такъ-что *-ai* есть расширеніе или наслоеніе первоначальнаго *-i*), говоритъ еще то обстоятельство, что дательный и мѣстный въ разныхъ языкахъ выражаются совершенно одинаково. Ограничимся здѣсь только приведеніемъ славянскихъ глагъ, именн, небесн, пѣтн, представляющихъ безразлично какъ дательный, такъ и мѣстный.

Тѣсная связь между дательнымъ и мѣстнымъ въ санскритѣ выходитъ изъ способа присоединенія соответственныхъ суффиксовъ къ данной темѣ. Такъ, къ основамъ на согласныя *-ê* (т. е. *a-i*) присоединяется безъ измѣненія, тогда какъ конечныя *i* и *u* въ основѣ подвергаются усиленію; въ среднихъ основахъ на *i* и *u* между окончаніемъ и темою вставляется носовая. Къ основамъ на *-a* кромѣ окончанія (*ê = ai*) присоединяется еще прибавочное *-a*; въ темахъ женскаго рода окончаніе выказываетъ долготу гласныхъ *-ājāi*. Примѣры: *marut-ê* (основа *marut* вѣтеръ), *pad-ê* (основа *pad* нога), *karaj-ê* (*karī* обезьяна), *agnaj-ê* (*agnī* огонь), *bhikṣav-ê* (*bhikṣu* нищій), *pitr-ê* (за выпаденіемъ гласной изъ суффикса, осн. *pitar* отецъ), *vāri-n-ê* (*vāri* п. вода), *madhu-n-ê* (*madhu* п. вино), *gaḡāj-a* (изъ *gaḡa-ê-a = gaḡa-ai-a*, ссн. *gaḡa* слонъ), *bālājāi* (*bālā* дѣвица).

§ 9. Совпадающее съ скр. *-ai* окончаніе для собственнаго дательнаго въ греческомъ и латинскомъ языкахъ сохранилось только еще въ основахъ на *-a*, причемъ между краткимъ и долгимъ первоначальнымъ *-a* разницы не полагается. Краткому *a* въ греч. языкѣ въ такомъ случаѣ всегда соответствуетъ *o*,

то что $a + ai = o + oi = \acute{o}i$: Φλῦκωι, ἵππωι (изъ Φλυκο-οι, ἵππο-οι) $\text{Θεῶι, Φέρωι, Φοίνωι, ἀγγέλωι}$ — въ аттич. нар. λύκω, ἵππω, Θεῶ и пр. Извѣстно, что іота подписное въ древнѣйшихъ греческихъ памятникахъ и въ нарѣчіяхъ играло роль заместительной гласной и писалось въ строчкѣ такъ-же, какъ и всѣ другія гласныя, такъ-что на древнихъ памятникахъ читались $\text{ΘΕΟΙ, ΘΕΩΙ, ΠΟΛΕΜΩΙ}$ и пр. Роль подчиненной гласной въ правописаніи и стало принимать уже тогда, когда, въ силу постепеннаго его ступеневыванія въ произношеніи, оно стало принимать характеръ ослабленной гласной, нѣчто въ родѣ славаго ь . Въ основахъ женскаго рода: $\text{ἀρετῇ, δίκῃ, Φιλίᾳ}$, λύρᾳ , въ атт. нарѣчіи: $\text{ἀρετῇ, δίκῃ, Φιλίᾳ, λύρᾳ}$. Отъ послѣднихъ формъ не отличаются употребляемыя въ прочихъ греческихъ нарѣчіяхъ формы собственнаго дательнаго; въ эолійскомъ нарѣчіи подписное іота часто пропускалось: $\text{τύχα ἀγάθα, ἐν ἀκαλαίᾳ, ἐν τῷ γυμνασίῳ}$ ¹; въ дорійскомъ же діалектѣ, наоборотъ, въ дательномъ падежѣ оно всегда выражается².

§ 10. Первоначальная форма дательнаго единственнаго основъ на $-e$ въ латинскомъ языкѣ удержалась еще въ дошедшихъ до насъ древне-лат. $\text{populoi, Romanoī, quoi}$ (позднѣйшее cui) huius ³. Нѣтъ сомнѣнія, что конечное o въ таковыхъ словахъ представляло долгую гласную, хотя долготы на письмѣ и не выражалась. Женскія основы имѣли окончаніе $-ai$, т. е. $-ai$: viai, equai, arai ⁴. У Эвнція встрѣчаемъ по свидѣтельству Харисія (I. 10. 7.) дат. terrai frugiferaī . Въ клас-

¹ Ahrens, De dial. aeol. 99. — ² Ahrens, De dial. doric. 225.

³ Corssen, Ausspr. und Vocal. I. 197—98.

⁴ Schleicher, Comp. 572. Изъ періода до Августа дошли до насъ дат. Clothai, Luciai ; изъ эпохи царствованія Августа и слѣдующихъ императоровъ $\text{republicai, deai, Atticai, Bonai, Gallai, Maximai}$; изъ позднѣйшаго періода императоровъ $\text{cojugai, Januariai, Artemai}$. Corssen, I. 179—81.

сическій періодъ конечное характерное *i* въ упомянутыхъ формахъ пропало, а именно въ основахъ на первоначальное краткое *a* въ силу простого выпущенія¹, въ основахъ же на долгое *-a* вслѣдствіе слитія *-ai* въ *-ae*, которое съ теченіемъ времени неминуемо ведетъ къ отождествленію его съ простымъ *e*². Такъ имѣемъ формы дательнаго классическаго періода: *virô*, *deô*, *hortô*, *populô*, въ женскихъ основахъ: *viae*, *arae*, *lunae* и т. п.³.

Въ осекскомъ языкѣ настоящій дательный имѣетъ такое-же окончаніе, какъ и въ латинскомъ: *hortoi* = лат. *hortô*, *Genetai* = лат. *Genetae*, *deivai* = лат. *divae*, *Flūsai* = лат. *Florae*⁴. О подобномъ окончаніи въ вольскскомъ нарѣчіи свидѣлствуетъ дошедшая до насъ форма *Vesune* (изъ *Vesunai*)⁵. Въ умбрійскомъ языкѣ въ окончаніи дательнаго основъ на первоначальное *-a* встрѣчаемъ *e*, т. е. слитое въ произношеніи *a-i*, соответствующее позднѣйшему лат. *-ae*: *ase* = лат. *arae*, *Jioveine* = лат. *Juvinae*⁶. Такъ и въ основахъ на первоначальное краткое *-a*, гдѣ въ латинскомъ языкѣ имѣется въ окончаніи *-ô* (изъ *o-i*): *pople* = лат. *populo*, *Martie* = лат. *Martio*.

2. Дательный множественнаго.

§ 11. Для дательнаго (и аблятива) множественнаго въ латинскомъ языкѣ употребляется суффиксъ самостоятельный, неимѣющій ничего общаго съ суффиксомъ мѣстнаго того-же числа. Древнѣйшій предлогъ *abhi*, удержавшійся въ первоначальномъ

¹ Въ четвертомъ и пятомъ склоненіяхъ конечное *i* также иногда поглощается предыдущими *и* или *e*: *casu*, *dominatu*, *exercitu*, *usu*, *luxu*, *concubitu*, *metu*, *victu*; *facie*, *fide*, *pernicie*. *Corssen*, II. 145 и 143.

² Ср. *Hugo Schuchardt*, *Der Vocalismus der Vulgarlatein*. I. 223.

³ Встрѣчаются впрочемъ отъ основъ на *-a* и дательные на *a* (вмѣсто *ai*): *Mi-nerva*, *matrona*, *Marica*. *Corssen*. II, 139.

⁴ *Corssen*, I. 190—91. — ⁵ *Corssen*, I. 192. — ⁶ *Corssen*, I. 191.

нѣтъ еще въ санскритѣ и выражающій соприкословеніе, при-
соединеніе и прч., сливается съ *-am*, представляю-
щую основу какого-то указательнаго мѣстоименія, и принимаетъ
на *-s*, какъ характеристику множественнаго; такимъ образомъ
въ первоначальную форму этого суффикса мы должны выставить
āhi-am-s, откуда впрочемъ за опущеніемъ первой гласной
вѣроятно рано уже образовалось *bhi-am-s = bhjams*. Хотя носо-
вый въ этомъ окончаніи почти правильно выпадаетъ, но о ея
существованіи свидѣтельствуется сохранившееся еще въ древне-
индск. партіи окончаніе *-mans*:¹ *algenika-mans* поденщикамъ;
тому *-mans* соотвѣтствуетъ древне-литовское *-tus*: *rōna-tus*
господамъ; *aki-tus = aki-ts* глазамъ; *ranka-tus = ranko-ts* рукамъ. Безъ характеристики множествен-
наго встрѣчаемъ этотъ суффиксъ въ нѣкоторыхъ мѣстоименныхъ
основахъ: скр. *tu-bhi-am*, *ma-(b)hi-am*, лат. *tibi*, *mihi* и прч.
(Ср. § 2).

Первоначальное *-bhjams*, которое въ греческомъ языкѣ вовсе
не встрѣчается, въ санскритѣ приняло форму *-bhjas*, которое
присоединяется непосредственно къ основамъ существительнымъ:
sarīt-bhjas (основа *sarīt* рѣка; конечное *t* переходитъ въ *d* въ
силу удоболюбящаго вліянія слѣдующаго за нимъ *bh*)²; *padī-
bhjas* (основа *padī* рѣка), *agni-bhjas* (*agni* огонь), *bhārjā-
bhjas* (*bhārjā* жена). Конечное *n* въ основѣ выпадаетъ передъ
этимъ окончаніемъ: *rāḡa-bhjas* (осн. *rāḡan* царь), *nāma-bhjas*
(*nāman* имя, лат. *nōmen*). *-tar*, т. е. суффиксъ извѣстнаго раз-
ряда существительныхъ, сокращается въ *-tr*: *pitr-bhjas* (отъ
pitr отецъ), *bhrātr-bhjas* (отъ *bhrātar* братъ). Конечное крат-
кое *a* въ мужскихъ и среднихъ основахъ переходитъ въ *ē*

¹ Schlicher, Compend. 588. — ² Bopp, Sanskr. Gramm. § 83.

вліяніемъ такъ называемаго рефлекса, находящагося въ суффиксѣ *i*: *vrkê-bhjas* (изъ *vrka-i-bhjas*, осн. *vrka* волкъ); *dêvê-bhjas* (осн. *dêva* богъ). Какъ въ латинскомъ языкѣ, такъ и въ санскритѣ это окончаніе выражаетъ не только дательный, но и аблятивъ множественнаго.

§ 12. Въ латинскомъ языкѣ первоначальное окончаніе дательнаго множественнаго для всѣхъ основъ безразлично было *-bhjas*, откуда *-bios*, *-bos*, *-bus*. Исчезнувшее впослѣдствіи изъ этого окончанія *i* удержалось еще въ древне-лат. *no-beis*, *vo-beis*¹, класс. *no-bîs*, *vo-bîs*, которыя возникли изъ **ma-bhjas*, **tva-bhjas*. *-bus* въ одинаковомъ видѣ встрѣчается во всѣхъ основахъ на согласныя, на *-i* и *-u*: *igni-bus*, *ovi-bus*, *hosti-bus*, *acu-bus*, *specu-bus*, *pescu-bus*. Въ основахъ на *-u* эта гласная чаще всего ослабляется въ *-i*: *domi-bus*, *lusi-bus*, *casi-bus* (изъ *cadtu-bus*), *porti-bus* (но и *portu-bus*). Основы на согласныя между окончаніемъ и темою принимаютъ правильно *i*, слѣдуютъ такимъ образомъ аналогіи темъ на *-i*: *ped-i-bus* (скр. *pad-bhjas*), *voc-i-bus* (скр. *vâg-bhjas*), *homin-i-bus*, *reg-i-bus*. Что и основы на первоначальное *-a* прежде имѣли такое-же окончаніе, доказываютъ многочисленныя дошедшія до насъ древне-латинскія формы въ родѣ слѣдующихъ: *amici-bus*, *magni-bus*, *clari-bus*, *dii-bus*, *parvi-bus*, *i-bus* и прч.; *i* передъ характернымъ окончаніемъ очевидно ослаблено изъ *o*, такъ-что *i-bus* представляетъ ослабленное *-obus*². До времени самаго классицизма языка *-bus* удержалось еще въ разныхъ женскихъ темахъ на *-a*: *deâ-bus*, *filiâ-bus*, *equâ-bus*; такъ и въ числительныхъ *duô-bus* и *ambô-bus*. Весьма рано однако въ основахъ на первоначальное *-a* окончаніе *-bhjas* подвергалось со-

¹ Vobeis встрѣчается въ Sen. Cons. de Bacchanal. Corssen, I. 219.

² Bopp, Gramm. Comp. II. 74.

имѣ-
wé-
вѣ
и о
да-
было
изъ
во-
яс,
ос-
bus,
ная
bus
со-
и,
кр.
bus.
-же
ев-
ni-
ха-
что
го
хъ
и-
о-
о-

имѣются; въ древнихъ памятникахъ упомянуты основы имѣ-
нъ окончанія *o-is* (древнѣйшее, но рѣдко встрѣчающееся) и
-eis: *snato-is* (поздн. *natīs*), *su-o-is*; *-eis* (замѣнившее древнее
-is): *amic-eis*, *public-eis*, *cert-eis*, *leiber-eis*, *e-eis* (Sen. Cons.
de Bacchanal.), *soci-eis* (Col. Rostr.), *scrib-eis*, *mi-eis*, *vi-eis*,
domin-eis, *oll-eis* (*illīs*; встрѣчается даже разъ весьма древ-
не *oloes*). Надо впрочемъ замѣтить, что уже на тѣхъ-же древ-
нихъ надписяхъ рядомъ съ *-eis* не рѣдко попадаетъ также
-is, сдѣлавшееся въ послѣдствіи общимъ окончаніемъ основъ на
-is: *public-is*, *proximi-is*, *his-ce*¹.

Въ классическій періодъ употребляется одно только *-īs* (стя-
нутое изъ *-eis*, *-ois*): *hort-īs*, *lup-īs* (изъ **vlupois* ср. греч.
βύλος); это-же окончаніе приняли также женскія основы на
-is: *pena-īs* изъ *penna-is*, *mens-īs* изъ *mensais* (по мнѣнію
Шмидера² изъ **penna-bios*, **mensa-bios*), *vi-is* и прч.

Въ осекскомъ языкѣ форма дательнаго множественнаго лучше
сохранилась въ основахъ на *-a*, при чемъ краткому *-a* ос-
новы отвѣчаютъ окончаніе *-uis* (ослабленное изъ *-ois*, встрѣчаю-
ющееся въ *zicol-ois* = лат. *diebus*): *ligat-uis* (лат. *legatis*),
Narion-uis (*novlaniis*)³. Въ женскихъ основахъ на *-a* имѣется
окончаніе *-ais*: *djump-ais* (*Lumphis*), *egm-ais* (*rebus*). Основы
на согласныя имѣютъ *-is*: *lig-is* (лат. *legibus*). Въ умбрійскомъ
языкѣ основы на согласныя принимаютъ *-us*: *capir-us* (*capidi-*
bus), *fratr-us* (лат. *fratribus*); основы на гласныя имѣютъ *-ēs*,
-eis, которыя въ ново-умбрійскомъ языкѣ переходятъ въ *-er*,
-er: *tut-es* (*civitatibus*) ново-умбр. *tot-er*, *popl-es* (*populis*)
ново-умбр. *popl-er*, *veskl-es* (*vasculis*) и прч.

¹ Corssen, I. 225.

² Compend. 587.

³ Wapp, Gr. Comp. II. 75.

3. Дательный двойственного.

§ 13. Такъ-какъ въ латинскомъ языкѣ за весьма немногими исключеніями (скуда принадлежать числительныя *duo,ambo, octo*, выказывающія въ именительномъ окончаніе двойственного) двойственное пропало, то остается разсмотрѣть окончанія въ греческомъ языкѣ, которыя и въ этомъ случаѣ весьма явно принимаютъ къ санскритскимъ. Окончаніе дательнаго двойственного въ санскритѣ, служащее въ то-же время выраженіемъ инструмента и аблятива, *-bhjām* (изъ *abhi-a-am*) представляетъ продолженное въ своей гласной вышеупомянутое (§ 2) *-bhjam*. Приставка этого окончанія къ основамъ существительныхъ не производитъ въ этихъ послѣднихъ никакого видоизмѣненія: *agni-bhjām* (основа *agni* огонь), *guru-bhjām* (отъ *guru* учитель), *sarid-bhjām* (отъ *sarit* рѣка), *pad-bhjām* (отъ *pad* нога). Въ однихъ только основахъ на краткое *-a* эта гласная продолжается передъ окончаніемъ: *gaḡā-bhjām* (основа *gaḡa* слонъ), *vrkā-bhjām* (основа *vrka* волкъ).

§ 14. Въ греческомъ языкѣ соответствующее санскритскому *-bhjām* окончаніе имѣло бы форму *-Φῶν*, сокращенную вполнѣ въ *-Φῖν*¹. На этомъ существовавшемъ, по всей вѣроятности, въ до-историческое время окончаніи основывается дошедшее до насъ *-iv*: *Φλύκο-iv* (изъ *Φλυκο-Φiv*), *Θεο-iv*, *λύρα-iv* (изъ *λυρα-Φiv*), *λόγo-iv*. Аналогіи основъ на *-a* слѣдуютъ всѣ прочія основы, принимающія такимъ образомъ передъ *-iv* еще прибавочное *-o*; *ποδ-o-iv*, *λεόντ-o-iv*, *μητέρ-o-iv* (скр. *mātr-bhjām*), *βο-o-iv*, *γεν-o-iv* (изъ *γενεσ-o-iv*), *συ-o-iv*, *πολί-o-iv* = *πολεόν*, *ἔρι-o-iv* и пр. Въ гомерическомъ слогѣ передъ *-iv* встрѣчаемъ еще иногда прибавочное *ι*, которое, подобно какъ и въ другихъ

¹ Schleicher, Compend. 590.

окончати (§ 11), вызвано рефлексомъ оказывающагося въ ко-
нечномъ слогѣ -i (нѣчто подобное усматривается въ Zendскомъ
языкѣ, гдѣ это явленіе извѣстно подъ названіемъ ээентесиса)¹.
Примеры. *Афо-и-iv* О 308, *αλλήλο-и-iv* П 765, *το-и-iv* Ψ 336
и пр. Что окончаніе дательнаго двойственнаго выражаетъ так-
же родительный того-же числа, объясняется извѣстною степенью
ограниченнаго употребленія двойственнаго въ гре-
ческомъ языкѣ, какъ вообще по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія
языка двойственное подвергается все болѣе и болѣе о-
граниченію.

Изъ представленныхъ выше данныхъ, относящихся къ обра-
зованію и развитію мѣстнаго и дательнаго, выводимъ слѣдую-
щіе заключенія:

1. Существованія вполне самостоятельнаго дательнаго изъ
предшествующихъ до насъ памятниковъ индо - европейскихъ языковъ
найти нельзя.

2. Дательный въ языкахъ нашего племени основывается на
мѣстномъ, изъ котораго онъ непосредственно развился чрезъ
расширеніе или наслоеніе соответствующаго окончанія.

3. Въ классическихъ языкахъ дательный по формѣ есть не
что иное, какъ древній мѣстный.

4. Въ одѣхъ только основахъ на первоначальное *a* усма-
тривается въ дательномъ окончаніе болѣе обособленное, нежели
въ прочихъ основахъ; но и здѣсь это окончаніе возводится къ
соответствующему окончанію мѣстнаго.

5. Между-тѣмъ-какъ латинскій и греческій языки дательный
въ единственномъ числѣ выражаютъ одинаково чрезъ мѣстный
языкъ, они расходятся въ выраженіи дательнаго мно-

жественнаго; въ греческомъ языкѣ этотъ падежъ выражается также черезъ окончаніе мѣстнаго множественнаго, тогда - какъ латинскій языкъ прибѣгнулъ къ самостоятельному окончанію, выражающему вмѣстѣ съ тѣмъ и аблятивъ.

II.

§ 15. Синтаксическій разборъ отравленій дательнаго вполне подтверждаетъ высказанныя нами выше соображенія относительно возникновенія дательнаго изъ первоначальнаго мѣстнаго. Въ преобладающемъ большинствѣ случаевъ употребленіе дательнаго заключаетъ въ себѣ извѣстный оттѣнокъ мѣстнаго, болѣе или менѣе ясно выходящій наружу. Встрѣчаются, правда, и такіе случаи употребленія дательнаго, въ которыхъ, по - видимому, нѣтъ никакого отношенія мѣстнаго, или гдѣ его можно возстановить только помощью явной натяжки, чего, конечно, должно всегда избѣгать; но въ такомъ случаѣ полагаемъ, что дательный вліяніемъ разнѣхъ неизвѣстныхъ намъ факторовъ принялъ на себя роль другаго падежа. Что вообще въ исторіи синтаксическаго развитія падежей замѣчаются очень нерѣдко такіе смѣшенія функцій разнородныхъ падежей, — составляетъ фактъ весьма извѣстный и кромѣ того очень понятный. Какъ съ первыхъ историческихъ временъ развитіе языковъ индо - европейскаго племени характеризуется извѣстнымъ искаженіемъ звуковаго ихъ устройства, сокращеніемъ и ограниченіемъ формъ, точно такъ и въ синтаксическомъ отношеніи обнаруживается все болѣе и болѣе замѣтный упадокъ столь богатаго въ древнія вре-

агента синтаксического организма, въ которомъ падежи играютъ роль далеко не послѣднюю. Когда формы стали исчезать, то въ некоторыхъ падежи послѣдовали ихъ примѣру, а какъ выраженные исчезающимъ падежемъ функція или передаваемый имъ объектъ удерживались въ языкѣ, то обязанность выражать функцію такого падежа часто переходила на другой участвующій падежъ. Отсюда понятно, почему нѣкоторые падежи выказывали столь поразительное разнообразіе въ своихъ значеніяхъ и потому рѣдко одинъ падежъ обладаетъ такими функціями, которыми, по-видимому, должны бы составлять неотъемлемое дополнение другого самостоятельнаго падежа. Примѣровъ такого переноса падежныхъ функцій можно привести много; на этомъ мѣстѣ мы ограничимся приведеніемъ на-выдержку нѣкоторыхъ особенно рельефно выдающихся падежныхъ особенностей въ санскритскомъ языкѣ.

Поразительнѣе всего въ санскритѣ, по нашему мнѣнію, употребленіе родительнаго вмѣсто дательнаго при глаголахъ, выражающихъ понятія «сказать, говорить, рассказывать». Въ подтвержденіе этого приводимъ слѣдующіе примѣры:

Śaṅkhāḥ kaṣṣīt tad akhjatūn Rāvaṇasja durātmanah нѣкоторые пошла рассказать это нечестивому Раванѣ *Rāmāj. V. 22. 1. pr̥c̥chataḥ śaṁsa me śighram* скажи это поскорѣ мнѣ, спрашивающему тебя *Rāmāj. VII. 17. 7. nāpr̥stah kasjaçid* никто не спрашиваемый пусть никому (никому) не говоритъ, пусть не отвѣчаютъ и тому, кто спрашиваетъ не такъ, какъ слѣдуетъ *Ind. Sprüche ed. Böthl. 1539. śaṁsa śaṁsasja kathajiṣjāmi* кому другому мнѣ это рассказать? *Śaṁsat. ed. Böthl. 34. 19. sāpi sarvaṁ pītur* нѣведаятъ она все рассказала отцу *Pan̄cat. I. 48. 5. asja dar̥ḡajam asa*

kinavantāu karāvubhāu она ему показала обѣ свои мозолистыя руки Mahabh. IV. 633.

Родительный вмѣсто дательнаго стоитъ также нерѣдко при глаголѣ *ruṣ* (нравиться): *putrī kin tava roṣate bhānuḥ* дочь, развѣ тебѣ нравится солнце? Pañcat. 190. 1.

Связь между глаголомъ «говорить» и родительнымъ лица, къ которому дѣйствіе этого глагола относится, намъ совершенно непонятна, и даже при всевозможныхъ натяжкахъ она остается для насъ темною загадкою. Въ языкахъ индо-европейскаго племени глаголы, выражающіе понятія «говорить, сказать, рассказывать», требуютъ, сколько намъ извѣстно, правильно дательнаго, рѣдко винительнаго (такъ напр. въ ново-греческомъ языкѣ, гдѣ вообще дательнаго вовсе нѣтъ, иногда и въ англійскомъ языкѣ, напр. *tell the father, that I am here* скажи отцу, что я здѣсь; *the son told his mother everything* сынъ разсказалъ все своей матери). Вообще родительный въ древне-индійскомъ языкѣ употребляется иногда тамъ, гдѣ въ классическомъ и въ современныхъ языкахъ ставится дательный¹. Такъ управляетъ въ санскритѣ и глаголъ *dā* (дать) родительнымъ лица, напр. *kṣīraṁ gātamātrasja daduḥ* только-что рожденному дали молоко *Rāmāj. I. 38. 24. gān datvā vidhivad guroḥ* отдавъ по предписанію корову учителю *Rāmāj. II. 79. 15—Bopp, Gloss. 184, 1. balaṁ dadāmi sarveśān karmāitad je samasthithāḥ* силу даю всѣмъ, которые взяли за это дѣло *Mahabh. I. 1143. kṣudhito smi dadaṣvānnān cīghraṁ mama* я голоденъ, дай мнѣ поскорѣе пищи *Mahabh. III. 15503. dejam ārtasja ṣajanān sthitaṣrāntasja cāsanam trṣītasja* ѣа *pānijaṁ kṣudhitasja* ѣа *bhogānam*

¹ Williams, An elementary grammar of the Sanscrit language, p. 184: it (the genitive) has the force of «to», and is very generally used to supply the place of the dative.